

ПЕРЕВОД В СТРУКТУРЕ МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Т.А. Янссен-Фесенко, А. Вайгель

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (соглашение № 14.B37.21.0275).

Аннотация. Рассматривается перевод в структуре ментального пространства индивида. Вербализуя в процессе перевода авторский текст и авторские идеи, переводчик перерабатывает содержание чужого ментального пространства и реконструирует заданные автором исходного текста когнитивные образы и смыслы. Переводчик в лучшем случае является «соавтором» конечного текста в новой лингвокультурной среде. Что является когнитивной основой переводческого акта? Анализ переводческих решений и переводческих вариантов с учетом их концептуальных особенностей позволяет заключить, что перевод обеспечивается интеграцией когнитивных сфер автора исходного текста и переводчика.

Ключевые слова: переводоведение; концептуальное пространство; когнитивная основа перевода; психотип переводчика.

Бесспорной в потоке переводоведческих теорий является, на наш взгляд, концепция о посреднической роли перевода в полилоге культур, реальных и ментальных миров, хотя отдельные утверждения о взаимоотношении культуры, сознания и перевода в работах некоторых исследователей представляются очень спорными, как, к примеру, следующее: «Als markantes Beispiel für Kulturübersetzungen von Westeuropa nach Russland können die Europäisierungsversuche Peters I. aufgefasst werden. Er zwang Russland ein drakonisches Modernisierungsprogramm auf, das westeuropäische Elemente importierte, um die technisch-zivilisatorische Verspätung Russlands aufzuholen. Peter I. erteilte kulturelle Übersetzungsaufträge... Ein weiteres Beispiel für diese repressive Kultur-Übersetzung ist die von Peter I. erzwungene östliche Übersetzung eines westeuropäischen Kleidungs- und Frisurenstandards...» [1. S. 1].

В контексте исторических иллюстраций знак равенства в вышеприведенном утверждении «Культура есть перевод, и перевод есть культура», как представляется, ничем не оправдан, ибо в подобных случаях речь идет, как известно, не о «переводе культур», а о культурных трансферах (т.е. о переносе отдельных инокультурных элементов в другую культурную среду). Переводчик же имеет дело с *вербальными* инокультурными объектами (текстами, высказываниями), и важным для него является не столько различие вербальных знаков и систем (что, в принципе, лежит на поверхности), сколько различие в концепту-

альных системах автора ИТ и самого переводчика, ибо как порождающим, так и перекодирующим «механизмом» выступает мозг человека, и структуры сознания играют в процессе перевода определяющую роль.

Релевантной для нашего понимания является метафорическая интерпретация сознания как *смыслового фильтра*.

В научной литературе этот подход представлен следующими вариантами:

а) осознается то, что не диссонирует с социальными нормами и установками или с диспозициями индивида, а также то, что «опосредовано практикой»;

б) воспринимается и осознается то, что соотносится с имеющимися в нашем сознании «образцами» (начиная от платоновских «эйдосов» до современных «когнитивных эталонов»), а все то, что не имеет в ментальной сфере «образцов», проходит мимо нашего сознания.

«Когнитивные эталоны», по мнению когнитологов, могут быть как невербальными, так и презентироваться вербальными средствами или средствами других знаковых систем. Можно согласиться с К.Г. Юнгом, что определенную роль при этом играет «когнитивный стиль» индивида (т.е., в частности, экстравертная или интервертная личность) [2. С. 459–460].

Сознание человека включает не только накопленный жизненный опыт, совокупность знаний о мире и о самом себе, хранящихся в виде системы взаимосвязанных логических суждений, понятий и умозаключений, но и вербальное знание, знание языка, его морфологической, фонологической, логической, прагматической, синтаксической и других систем; это языковое сознание «пронизывает» остальные «блоки знания» и является важнейшей частью нашего сознания. В процесс мышления вовлекаются все наши знания; иными словами, сознание (как наше знание) воспроизводится в процессе мышления и за его счет постоянно «пополняется», новые знания (как и старые) «складируются» в различных блоках сознания и, прежде всего, в языковом сознании.

Сознание является тем «когнитивным уровнем», который «аккумулирует» знания носителей языка о мире. Он показывает, каким человек видит окружающий его мир, фиксирует наивно-языковую картину мира в его сознании, бессознательно закрепленную в языковых структурах, которые помимо языковой семантики несут более широкую информацию об устройстве мира» [3. С. 154].

Мышление реализуется не только в виде «динамического» процесса мышления (накопления знания), но и в виде сознания как его «продукта» (накопленного знания). Существование и функционирование мышления и сознания взаимообусловлено: сознание (состояние накопленных знаний) обеспечивает процесс мышления, который, в свою очередь, является источником накопления и систематизации знаний (сознания).

Отражаемый в процессе мышления окружающий мир кодируется в виде различных «форм мысли», материальной формой которых может служить естественный язык. Следовательно, если мышление (и сознание) предстает как отражение окружающей действительности «в логических формах мысли», то язык выступает выражением нашего мышления (в различных языковых формах).

Язык не может существовать отдельно от форм мышления, которые «заключены» в языковых формах, поэтому проблема определения концептуальной основы перевода может иметь свое решение в контексте взаимоотношения мышления, языка и сознания, ибо **язык – это перевод образов сознания в графический или звуковой ряд**.

Специфика переводческой деятельности заключается в том, что переводчик всегда стоит перед проблемой восприятия и переработки чужого «ментального содержания», поскольку в переводном тексте он излагает не собственные идеи, но вербализует лишь идеи, сформулированные автором оригинала, при этом, как правило, придерживается также коммуникативной ситуации, «заданной» автором ИТ. Возникает вопрос о характере ментальных операций при переводе и о природе переводческих решений.

Как показывает анализ переводческих стратегий, они не бывают чисто когнитивными или интуитивными, но представляют собой когнитивно-интуитивные «сцепления». Интуиция при переводе актуализирует исходные вербальные данные, а также «ассоциирует» лежащие в основе ИТ ситуации с реальным фоном (контекстом интерпретации) и определяет как семантические «координаты» перевода, так и построение индивидуального семантического вывода.

Лингвально-ментальные операции в процессе перевода обусловлены, как отмечалось выше, речемыслительной деятельностью индивида и функционированием его ментальной сферы. Каждый индивид по-разному ориентируется в национальном культурном пространстве, «выстраивая под себя» собственную модель в рамках конкретного лингвокультурного сообщества, руководствуясь «рекомендациями» собственной когнитивной базы. В процессе социализации индивид не только «присваивает» себе общую когнитивную базу данного лингвокультурного сообщества, но и на ее основе создает собственное **когнитивное пространство**, которое интерпретируется нами как «презентируемая различными когнитивными структурами совокупность всех знаний, образов и представлений индивида, имеющих **национальную детерминированность**» (курсив наш. – Т.Я.-Ф., А.В.) [4. С. 176]. Когнитивная база с обязательным набором стереотипных знаний и представлений служит, таким образом, основой индивидуального когнитивного пространства.

Индивид функционирует не только в национальном культурном пространстве, но и является активным участником межкультурной коммуникации, что, в первую очередь, свойственно переводчику как интер-

претатору знаков одной лингвокультуры через знаки другой лингвокультуры. Регулятором самодетерминации индивида (переводчика) в межкультурном пространстве выступает его *когнитивная сфера*, понимаемая нами как совокупность инвариантных по своей природе знаний, образов и представлений, репрезентируемых различными когнитивными структурами индивида. Благодаря своей когнитивной сфере человек способен ориентироваться в пространстве любой культуры, соблюдая ее законы. Наполнение когнитивной сферы формируется главным образом энциклопедическими знаниями индивида и транснациональными инвариантами его представлений о том или ином лингвокультурном сообществе.

При переводе переводчик имеет дело как с содержанием текста, так и с его смыслом, которые являют собой результат понимания ИТ; необходимо подчеркнуть, однако, что содержание и смысл текста представляют собой *различные ментальные образования*, базирующиеся на разных речемыслительных механизмах. В сознании переводчика содержание текста оформляется как ментальное образование, «моделирующее» тот конкретный фрагмент действительности, о котором идет речь в данном тексте. Смысл, в свою очередь, является «продуктом» интерпретации того, «что в этом тексте сообщается». Таким образом, смысл ИТ основывается на «степени / глубине уяснения» переводчиком самой «сути дела», запрограммированной автором и реализованной в тексте средствами исходного языка.

Содержание текста и его смысл по-разному проецируются на сферу сознания переводчика: если смысл, по сути, является проекцией сознания переводчика на ИТ, то содержание можно рассматривать как проекцию текста на сознание переводчика.

Переходя к особенностям ИТ, необходимо указать на дуалистический характер его природы. С одной стороны, ИТ предстает отражением определенной модели мира в сознании его автора, чем, собственно, детерминируется его связь с реальным миром. С другой стороны, ИТ выступает отражением интерпретации объективной реальности со стороны автора, чем определяется связь ИТ с его когнитивной сферой. Все это должно учитываться переводчиком. Поэтому адекватное восприятие ИТ переводчиком обусловлено взаимодействием его представлений с тем, что в действительности существует в восприятии автора; иначе говоря, восприятие текста переводчиком должно быть не столько адекватным действительному (конкретному) положению дел в реальном мире, сколько адекватным той интерпретации объективной реальности, что дается автором в ИТ.

В структуре переводческой реальности функционирование текста обусловлено прагматическими установками автора ИТ и переводчика: у автора – на адекватную передачу информации в ИТ, у переводчика – на ее адекватное восприятие и понимание.

Когнитивная программа играет существенную роль в процессе перевода, ибо она обеспечивается соотношением когнитивных сфер автора ИТ и переводчика, результирующим в образовании системы когнитивных образов и эталонов, которые служат когнитивной единицей процесса перевода как когнитивной деятельности: порождение ИТ реализуется при его «расчленении» на составные элементы (когнитивные образы и эталоны), а его восприятие и понимание обеспечиваются реконструированием переводчиком этих когнитивных образов (эталонов).

Необходимо иметь в виду, что если вербальные способы выражения могут от языка к языку варьироваться, то когнитивное содержание текста (т.е. набор когнитивных образов и эталонов) остается неизменным.

Оптимальная ситуация для перевода возникает не в том случае, когда смысл и содержание совпадают, но в том, когда содержание, вкладываемое автором в ИТ, оптимально согласуется с извлекаемой переводчиком семантической информацией. В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть, что воспринимаемый переводчиком исходный текст никогда не будет наполнен для него тем смыслом, который вкладывал в него автор, поскольку каждая культура имеет в своей основе собственную систему социальных стереотипов, образов и когнитивных схем, а за каждым вербальным знаком стоит фрагмент образа мира данной конкретной культуры.

Когнитивная сфера переводчика «включается» в процесс перевода, обеспечивая успешность его протекания. Для осуществления акта перевода актуален и релевантен именно тот фрагмент когнитивной сферы переводчика, который образуется при «пересечении» когнитивных сфер автора ИТ и переводчика. Актуализация «зон» пересечения возможна в том случае, когда переводчик знаком с когнитивной базой того лингвокультурного сообщества, на языке которого создан ИТ, а также с набором основных компонентов когнитивной сферы автора ИТ. Порождение высказывания – в нашем случае текста на ПЯ – обеспечивается интеграцией когнитивных сфер автора ИТ и переводчика, в результате которой образуется интегральное (совмещенное) ментальное пространство.

В рамках этой концепции новую интерпретацию получает вечная формула – выражение религиозных, философских и лингвистических умозрений: ***В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...*** Привлекательными и научно корректными остаются рассуждения М.К. Мамардашвили [5] о том, что здесь имеется в виду очень простая вещь, которую мы ясно увидим, если взглянем в собственную реальную психологическую жизнь, которую мы знаем на уровне интуиции... Знаем ли мы то, что думаем в действительности? [Там же. С. 236]. Под «Словом» здесь понимается, конечно, не язык в логическом и филологическом смысле, а некая сущность, возникающая в пространстве, в порождающем пространстве, в котором, по мнению М.К. Мамардашвили, «мы многократно отразились».

Итак, источником мысли служит организация «создания акта мысли, которая порождает в пространстве резонанса (порождающем пространстве), воплощением чего и является «Слово» [5. С. 238]. Таким образом, возникновение (порождение) «Слова» обусловлено **процедурой ментального совмещения и созданием совмещенного** (интегрального) **ментального пространства** («порождающего пространства», в терминологии М.К. Мамардашвили).

Возвращаясь к проблеме перевода, следует подчеркнуть, что созданный переводчиком текст на ПЯ являет собой вербальную репрезентацию концептуальной интеграции, иными словами, вербальное порождение совмещенного ментального пространства переводчика. Все эксплицитные ментальные операции с когнитивными структурами становятся возможными лишь при кодировке на языковом уровне сознания, т.е. когда они приобретают вербальное оформление. Опираясь на данное положение, мы приходим к рабочему определению перевода как вербальной проекции этноментального опыта одной лингвокультурной общности через интеграцию ментальных пространств переводчика как представителя другой лингвокультурной общности. Перевод, как правило, репрезентирует содержание ментального мира автора ИТ по «алгоритму» своей культуры, к которой он относится (и языковой в том числе).

В качестве иллюстрации рассмотрим концептуальную модель **«Нравственное / безнравственное в поступках и поведении человека»**, построенную нами на основе лингвоконцептуального анализа романа Г. Бёлля «Ansichten eines Clowns» («Глазами клоуна») [6].

В концептах и концептуальных структурах, составляющих модель «Нравственное / безнравственное в поступках и поведении человека», находят выражение общечеловеческие и этнокультурные ценности, определяющие личность человека и смысл его поступков. Особый интерес в этом отношении представляют «непрозрачные» концепты, раскрывающие в поступках и поведении человека его этноментальный мир, как, например, немецкий концепт «huldigen», имеющий следующую вербальную репрезентацию:

– *Meine Eltern, strenggläubige Protestanten, huldigten der Nachkriegsmode konfessioneller Versöhnlichkeit, und...* [6. S. 12].

Интегральное поле концепта «huldigen» составляют такие вербальные единицы, как «Gunst», «Wohlwollen», «Ergebenheit», «Treue», «(j-m ergeben sein)», «(sich überlassen)», «verehren», т.е. «благодарность», «милость», «расположение», «покровительство», «преданность», «приверженность», «покорность», «верность», «надежность». В семантической основе этого концепта лежит ассоциативная связь понятий «господство» и «добровольное служение», «верность», выступающая скрытым семантическим «механизмом», актуализирующим «верноподданническое» поведение индивида. Иными словами, в ядерный семантический компонент «поклоне-

ние» инкорпорированы модальные значения, которые «встраиваются» в следующую схему интерпретативных мотивов: если признано чье-либо господство или господство каких-либо идей, то это становится нормой и достойно уважения, поэтому нужно принять и признать, ибо облигаторность нормы закреплена в прагматическом сознании немцев.

Коллективные моральные нормы предписывают им содействовать конфессиональному примирению («*konfessionelle Versöhnlichkeit*»). Интегральным семантическим компонентом концепта «*Versöhnlichkeit*» является «толерантность», ибо «примирение» предполагает «позицию поведения, исключаящую злопамятность и предписывающую терпимость». Иначе говоря, нормативный смысл, заложенный в концептуальной структуре «*konfessionelle Versöhnlichkeit*», апеллирует к практическому сознанию немцев, в котором закреплены социальные и нравственные нормы данной этнокультурной общности.

В русском переводе немецкие концептуальные структуры «*konfessionelle Versöhnlichkeit*» и «*huldigen*» вербализованы в следующих контекстах:

– *Мои родители, правоверные протестанты, поддавшись послевоенной моде проявлять веротерпимость...* [7. С. 424];

– *Мои родители, убежденные протестанты, следуя послевоенной моде примирения всех вероисповеданий...* [8. С. 14].

В русской вербальной единице «поддаваться» сконцентрированы основные значения, образующие ее этнокультурную основу:

- 1) уступить под давлением (не сдержатъ напора);
- 2) покоряться, подчиняться;
- 3) уступать и проигрывать с «умыслом»;
- 4) соглашаться с чем-то, идти на соглашение;
- 5) «подделываться» под чьи-либо интересы и вкусы.

Таким образом, содержание интегральных компонентов этой языковой сущности – «проявлять слабость», «идти на компромисс», «хитрость», «подделываться под чьи-либо вкусы» – соотносится с «русской доминантой», допускающей хитрость, изворотливость, лукавство для достижения стратегической цели. Если дифференциальными признаками немецкого концепта «*huldigen*» являются «верноподданический», «верный», «преданный», «покорный», то семантическими признаками русского концептуального варианта «поддаваться» выступают «слабый», «уступчивый», «хитрый», «изворотливый», соотносимые с одобряемым в русском социуме стереотипом поведения «хитроватого, себе на уме» человека.

Семантическое основание второго концептуального варианта «следовать» составляют интегральные компоненты:

- 1) идти следом за кем-, чем-либо;
- 2) руководствоваться чем-либо;
- 3) поступать подобно кому-либо;

- 4) подражать кому-, чему-либо;
- 5) действовать сообразно чему-либо.

Таким образом, неэквивалентность немецкого концепта «huldigen» и русских концептуальных вариантов «поддаваться» и «следовать» обусловлена несоотносимостью их интегральных компонентов.

Определения прямой системы (т.е. путем простого перечисления признаков содержания) позволяют выявить семантический сдвиг в содержании немецкой концептуальной структуры «konfessionelle Versöhnlichkeit» и русских концептуальных вариантов «примирение всех вероисповеданий» и «проявлять веротерпимость».

Если содержание немецкой концептуальной структуры «konfessionelle Versöhnlichkeit» раскрывается через описание «поведения, способствующего примирению, направленного на примирение», то в содержании русских концептуальных вариантов актуализируются интегральные признаки «покорный», «пассивный», «доверчивый», «неискушенный», «непротивленческий», согласуемые с оценочными квалификациями верующего человека, сформированными в русской этнокогнитивной модели. Иными словами, ядерный семантический компонент немецкой концептуальной структуры «konfessionelle Versöhnlichkeit» отражает культивируемый в немецком этнокультурном сообществе стиль «деятельного поведения», в то же время интегральные признаки русских концептуальных вариантов характеризуют стереотип поведения индивидов, закрепленный в этнокультурном сознании русского социума.

Таким образом, различие концептуальных корреляций в мышлении членов немецкого и русского социумов достаточно отчетливо презентуется в языковых сущностях, отражающих культурные сценарии их поведения.

Деятельностный концепт «sich bedienen» вербализован в следующем контексте:

– *bediene mich der liturgischen Texte und Melodien aus therapeutischen Gruenden* [6. S. 13].

Культурологическую основу концепта «sich bedienen» формируют следующие сконцентрированные в нем семантические единицы: «in Gebrauch haben, gebrauchen», «verwenden», «anwenden», «benutzen», «nützen», «brauchen», «benötigen», «Bedarf haben», «bedürfen», «begehren», «fordern», т.е. «употреблять», «использовать», «пользоваться», «применять», «принуждаться», «испытывать нужду», «иметь потребность», «требоваться» с ядерным компонентом «потребность, нужда». Удовлетворение потребности носит, как правило, облигаторный характер, исключая альтернативу. Средством исцеления для героя-клоуна служат мотивы, песнопения, что имеет свои этнокультурные корни. Как известно, страстная любовь к музыке и к пению воспитывается у немцев с детства.

В русских переводах концепт «*sich bedienen*» имеет следующие варианты вербальной репрезентации:

- *церковные напевы использую в чисто лечебных целях...* [7. С. 42];
- *церковные тексты и напевы я воспроизвожу из чисто медицинских соображений* [8. С. 14].

Концепт «использовать» имеет с немецким концептуальным инвариантом «*sich bedienen*» общий ядерный компонент «употреблять что-либо с пользой», причем в вербальном варианте «использовать» акцент ставится на семантический признак «полезный». Идеографическое поле немецкого концепта «*sich bedienen*», таким образом, сужено в русском концептуальном варианте до ядерного компонента «воспользоваться» («употреблять с пользой»). Концептуальный вариант «воспроизвести» располагает следующим компонентным составом: «воссоздать», «повторить», «произвести вновь», «повторить в копии», «возобновить», «обновить» с интегральным признаком «повторный», что подтверждает семантическую и контекстуальную неравнозначность немецкого концепта «*sich bedienen*» и его второго вербального варианта «воспроизвести».

Содержащиеся в концептуальной системе представителей немецкого социума конфессиональные концепты вербализованы также в следующем контексте:

- *...aber ich sagte, ich sei kein Christ und mein Beichtstuhl sei noch nicht geöffnet...* [6. S. 226].

В высказывании героя-клоуна, что он не христианин и его исповедальня не отворена, подчеркивается устойчивость протестантских религиозных норм, сформированных семейным воспитанием и закрепленных в прагматическом сознании. Если католическая вера допускает прославление святых и обращение с просьбами о спасении души и снятии (прощении) грехов, то протестантская вера отрицает подобное обращение к святым как оскорбление Господа Иисуса Христа, единственно к которому следует взывать без всяких посредников.

В переводе концептуальная структура «*mein Beichtstuhl sei noch nicht geöffnet*» имеет следующий вариант контекстуальной вербализации:

- *...но я ответил, что не собираюсь быть христианином и не нанился отпускать грехи...* [8. С. 188].

В русском практическом сознании закреплена смысловая связь «нанялся – продался». Русская концептуальная структура «не нанялся отпускать грехи» предполагает следующие смысловые репрезентации:

- 1) не работать священником;
- 2) отвергать возможность прощать чей-либо проступок, вину;
- 3) выражать порицание, неодобрение чьему-либо проступку;
- 4) не прощать, не извинять чужие проступки.

Семантическое значение концептуальной структуры «не нанялся отпускать грехи» определяется дифференциальными признаками «злопа-

мятный», «неуступчивый», «твердый», «устойчивый», «неприятный», «недружелюбный», «мстительный». Таким образом, содержание русской концептуальной структуры реализовано в иной ипостаси и не отражает смысловое наполнение немецкой концептуальной структуры «mein Beichtstuhl sei noch nicht geöffnet».

Колоритным средством иллюстрации специфики этноментальной модели поведения и поступков индивида служит немецкий концепт «sammeln» в следующей контекстуальной репрезентации:

– ...*wenn ich morgen «für ein notleidendes Mitglied der Familie» sammelte, würde es nicht einmal lügen...* [6. S. 229].

Идеографическое поле концепта «sammeln» составляют лексические единицы «собирать», «получить», «добыть», «приобрести», «соединить», «сосредоточить», «сконцентрировать», «обеспечить», «взять», положительная оценочная характеристика которых закреплена в прагматическом сознании немецкого социума.

Позитивная маркированность этого концепта обусловлена также его интегральными признаками «активный», «деятельный», «энергичный», «предприимчивый», «инициативный», «бойкий», характеризующими «немецкую деловитость», культивируемую в немецком социуме.

В русском переводе концепт «sammeln» имеет следующую вербальную репрезентацию:

– ...*если завтра я начну Христа ради выпрашивать для «неимущего члена семьи», здесь не будет никакого обмана...* [8. С. 191].

Концептуальная структура «Христа ради выпрашивать» предполагает следующие смысловые репрезентации: просить милостыню; молить о подавании; побираться Христовым именем; ходить с сумою; нищенствовать; кланяться.

Инкорпорированные в семантическое значение концептуальной структуры «Христа ради выпрашивать» дифференциальные признаки «униженный», «смиранный» соотносятся с закреплённой в русском этническом сознании лингвокогнитивной моделью, репрезентируемой такими языковыми сущностями, как «Бог терпел и нам велел», «Гордым быть, глупым слыть», «Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать», «В убогой гордости дьяволу утех», «Во всякой гордости чёрту много радости» и др.

Иными словами, семантическое значение русской концептуальной структуры «Христа ради выпрашивать» реализовано в отличной по сравнению с немецким концептом «sammeln» ипостаси и выражает русскую, но не немецкую этноментальную характерологию.

Итак, анализ иллюстративного языкового материала позволяет нам заключить, что наличие смысловой и оценочно-психологической несоотнесенности немецких культурных концептов с их переводными русскими вариантами обусловлено, прежде всего, превалированием у

переводчиков при использовании ими переводческих микростратегий собственной этноментальной специфики, закреплённой в русской национальной лингвокогнитивной модели.

Данный факт подтверждает наш тезис, что оптимальность перевода обусловлена не только знанием алгоритмов «чужой» культуры, но также пересечением ментальных пространств автора ИТ и его переводчиков. В этой связи необходимо подчеркнуть, что ментальные пространства индивидов (в том числе автора ИТ и переводчика) никогда не могут полностью совпадать, поскольку они определяются их индивидуальными знаниями и представлениями и репрезентируются их индивидуальным «вербальным кодом».

Индивидуальные ментальные пространства имеют какие-то «общие зоны», и перевод будет тем успешнее и результативнее, чем шире «зоны» пересечения индивидуальных ментальных пространств автора ИТ и его переводчиков. Именно содержание совмещённого ментального пространства позволяет переводчику оптимально выразить средствами ПЯ психосемиотических особенностей автора ИТ.

Литература

1. *Lebedewa J.* Mit anderen Worten. Die vollkommene Übersetzung bleibt Utopie. URL: <http://www.uni-heidelberg.de/presse/ruca/...3/wort.html>
2. *Юнг К.Г.* Психологические типы / пер. с нем. ; под общ. ред. В.В. Зелинского. Минск : Попурри, 1998. 656 с.
3. *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1999. 180 с.
4. *Фесенко Т.А.* Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2002. 229 с.
5. *Мамардашвили М.* Картезианские размышления. М. : Прогресс, 1993. 352 с.
6. *Böll H.* Ansichten eines Clowns. Kiepenhauer & Witsch. Köln; Berlin, 1963. 305 s.
7. *Бёлль Г.* Глазами клоуна / пер. Р. Райт-Ковалёвой. М. : Прогресс, 1988. 250 с.
8. *Бёлль Г.* Глазами клоуна / пер. Л. Чёрной. М. : Прогресс, 1965. 250 с.

TRANSLATION IN THE MENTAL SPACES STRUCTURE: THE COGNITIVE APPROACH

Janßen-Fesenko T.A., Weigel A.

Summary. The central problem of this article is the examining of the translation in the mental spaces structure of a person. A translator verbalizes the author's text and ideas during the process of translation. Thus he works over the content of someone else's mental spaces and reconstructs the cognitive images and ideas of the author's source text. In the best case a translator is the «co-author» of the target text in the new linguocultural environment. What is the cognitive basis of translation acts? Having analysed translation solutions and translation variants under consideration of their conceptual specialities, we can conclude that the integration of the author's and the translator's cognitive spheres ensures the translation.

Key words: translation studies; conceptual spaces; the cognitive basis of translation; the psychotype of translator.